

• Марина Москвина •

МОЯ СОБАКА любит ДЖАЗ

МОСКВА
«ЛАБИРИНТ ПРЕСС»
2020

Осень моего лета

Я люблю утро первого сентября. Когда приходит пора идти в школу. Мама с папой всегда осыпают меня подарками. В этот раз они купили мне фонарик и торжественно преподнесли со словами, что ученье — это свет! Папа также вручил набор юного слесаря и сказал такую фразу, что труд сделал из обезьяны человека.

Ещё папа купил мне хорошего Шварценегера — его портрет, где он — с одним выпученным глазом.

— Кумиры есть кумиры, — сказал папа, — надо же курить им фимиам.

А мама — ботинки остроносые, тряпичные, в каких только ходят толстые тётки. Я надел, а они оказались пришиты друг к другу суровой ниткой. Папа разрезал нитку ножницами и сказал:

— Ну, широким шагом в пятый класс!

Тут вдруг выяснилось, что мама не удлинила мне школьные брюки. И за минуту до выхода я стоял у двери, как говорится, в «брючках дудочкой и по колёно». Плюс ослепительно белая

рубашка с жёлтым пятном на груди. Это мой родной двоюродный брат Рома вечно всё испакостит, а потом мне даёт.

Носки у меня полосатые, как у клоуна, хотя мой любимый цвет серый, чёрный и коричневый.

— Чёрт, что ж это несчастья всё меня преследуют? — говорю я.

— Да ладно тебе, — говорит папа, — на одежду внимание обращать! Не мужское это дело. — И дал мне букет увядших георгинов — он их заблаговременно приобрёл поза-позавчера. И как раз сегодня они завяли.

— Ну и ну, — говорю, — у тебя, пап, я вижу, нервов нету. Оказался бы на моём месте.

— Нет, — сказал папа, — не хочу я на твоём месте, не хочу быть десятилетним. Подростал-подростал...

Один Кит меня понимает. Он, конечно, отправился вместе с нами.

У подъезда нас ждал Рубен. Его папа Армен вообще не купил никакого букета, поэтому Рубен нёс в подарок учителю чучело ежа.

— Он жил-жил, — решил объясниться Рубен, чтоб никто не подумал, что это он его уколошил, — жил-жил, а потом состарился и умер. Своей смертью.

— Ну, Рубен, — говорит моя мама, — замолчи, не терзай нам сердце.

А Кит страшно разволновался, увидев ежа.

Он, наверное, подумал, что ёж — это кошка. Он всех кошек гоняет, охотится. Наверное, думает, что это соболи или хорьки. Рубен говорит:

— Андрюха! У тебя ботинки, как у Ломоносова. Ломоносов идёт в школу учиться.

У Рубена хорошо с ботинками, его мама любит ходить в обувной магазин. А моя мама не любит. Она говорит:

— Я не создана для того, чтобы ходить в обувной магазин.

— А для чего же ты создана? — спрашиваем мы с папой.

— А ни для чего! — отвечает она. — Меня ни для чего невозможно приспособить.

Идём. Тучи разогнало, солнце золотое, небо синее-синее. Как я люблю праздник Первое сентября! На школьном дворе играет весёлая музыка — так дух поднимает! Старые лысые десятиклассники жмут друг другу руки. Все наши в сборе — Вадик Хруль, Сеня — узенькие глазки, Фалилеев, который в любую непогоду ходит без шапки, в расстёгнутой куртке. И никто ему не скажет:

— Запахни куртку, Фалилей!

Все очень раздались вширь, вымахали. Жаль, нас не видит наш учитель по физкультуре. Это был настоящий учитель. Он так многому нас научил. От него мы узнали, что лучший в мире запах — это запах спортзала. А самая лучшая радость — это радость мышечная. Самая большая мечта у него была — пройти вместе с классом по Красной площади: все с лентами, флагами, обручами, впереди он в широких белых штанах, в майке, а на груди написано «Динамо», и его воспитанники сзади идут. В этом году он бросил школу и ушёл в рэкетеры. Остальные все в сборе наши любимые учителя. Трудовик Витя Паничкин в чёрном костюме. Рукава прикрывают его мозолистые кисти рук. Он всю жизнь полирует указки. Сам и вытачивает, и обтачивает, и шлифует. О его жизни мы знаем очень мало. Знаем только одно: когда Вите проверили ультразвуком сердце, у него сердце оказалось как высохший лимон.

Виталий Павлович по русскому и литературе. Учитель, что называется, от бога, весь в чёрных волосиках с головы до пят. Возит нас каждый год на экскурсию на Лобное место. Чтобы мы знали и любили историю нашей страны. Что это там за маленькая клетчатая тётечка? А, это англичанка!

— Уйдите с собакой! — кричит она моей маме с Китом. — Дети и собака — вещи несовместные! Как гении и злодейство!

Она добрая, но строгая и очень некультурная. «*The table, the table*», а сама в носу ковыряет. Весь нос искрутила. А все на неё серьёзно смотрят. И в кабинете английском всегда чем-то пахнет — то ли кислым арбузом, то ли тухлым помидором. Невозможно сидеть! А она окно не открывает, хотя на улице теплынь...

Люблю праздник Первое сентября! Море цветов, чучело ежа... Приветственные речи!

— Дорогие дети! Пусть школа будет для вас родным домом.

— Дорогие родители! Ваши дети в надёжных руках!

— Дорогие первоклассники! Сейчас звонок зальётся, смолкнут голоса, и у вас, малыши, начнётся жизни новая полоса!

— Дорогие взрослые! Вы знаете, какое сейчас напряжение с вещами! Могут войти посторонние и украсть вещи ваших детей.

— Счастья вам, дорогие друзья!

— Хорошо, да? — спрашивает у меня папа.

— Очень хорошо, — я ему.

— Но вообще-то ты рад, — говорит он, — что мы тебя родили?

— Конечно, — отвечаю, — я вам так за это благодарен.

— Не стоит благодарности, — великодушно говорит папа.

И тут я не выдержал и заплакал.

— Ты что? — все меня стали спрашивать. — Чего ты???

А я плакал то, что кончилось лето.

Моя собака любит джаз

Для меня музыка — это всё. Только не симфоническая, не «Петя и волк». Я её не очень. Я люблю такую, как тогда играл музыкант на золотом саксофоне.

Мы с моим дядей Женей ходили в Дом культуры. Он врач ухо-горло-нос. Но для него музыка — это всё. Когда в Москву приехал один король джаза — негр, все стали просить его расписаться на пластинках. А у дяди Жени пластинки не было. Тогда он поднял свитер, и на рубашке фломастером король джаза поставил ему автограф. А что дядя Женя творил на концерте в Доме культуры? Свистел, кричал, аплодировал! А когда вышел музыкант в соломенном шлеме, зелёных носках и красной рубашке, дядя Женя сказал:

— Ну, Андрюха! Толстое время началось.

Я сначала не понял. А как тот отразился, красно-золотой, в чёрной крышке рояля! Как начал разгуливать по залу и дуть, дуть напропалую в свой саксофон!.. Сразу стало ясно, что это за «толстое» время.

Зрители вошли в такой раж, что позабыли все приличия. Вытащили дудки, давай дудеть, звенеть ключами, стучать ногами, у кого-то с собой был пузырь с горохом! Музыкант играл как очумевший.

А я всё хотел и хотел на него смотреть. Там всё про меня, в этой музыке. То есть про меня и про мою собаку. У меня такса, его зовут Кит. Я за такую собаку ничего бы не пожалел. Она раз пропала — я чуть с ума не сошёл, искал.

— Представляешь? — говорит дядя Женя. — Он эту музыку прямо на ходу сочиняет. Всё «от фонаря». Лепит что попало!

Вот это по мне. Веселиться на всю катушку. Самое интересное, когда играешь и не знаешь, что будет дальше. Мы с Китом тоже — я бренчу на гитаре и пою, а он лает и подвывает. Всё без слов — зачем нам с Китом слова?

— И у меня были задатки, но их не развивали, — сказал дядя Женя. Он стоял в очках, в галстук, с портфелем-дипломатом.

— Я в школе, — говорит, — считался неплохим горнистом. Я мог бы войти в первую десятку страны по трубе.

— А может, и в первую пятёрку, — сказал я.

— И в первую тридцатку мира!

— А может, и в двадцатку, — сказал я.

— А стал простой ухо-горло-нос.

— Не надо об этом, — сказал я.

— Андрюха! — вскричал дядя Женя. — Ты молодой! Учись джазу! Я всё прошляпил. А тебя ждёт необыкновенная судьба. Здесь, в Доме культуры, есть такая студия.